

УДК 39:398(=511.153)(045)

Е. Н. Ваганова, В. И. Рогачев

**МИФОПОЭТИКА РАСТИТЕЛЬНОГО КОДА
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА**

В статье исследуется растительный код в традиционной мордовской культуре, его вербальная репрезентация в фольклорных произведениях разных жанров эрзи и мокши; рассматривается экспликация растительного культурного кода в декоративно-прикладном искусстве; выявляются причины концептуализации действительности через древесно-растительный код культуры; определена национально-культурная специфика. В процессе исследования фольклорных текстов обнаруживается проекция растительного кода на эталоны красоты, закрепленные в сознании мордвы, и их межпоколенная трансляция.

Образ дерева во многих жанрах мордовской народной культуры – один из традиционных символов, имеющий полисемантический характер. В песнях, посвященных молодости, девичеству, красоте, большое место занимает древесно-растительный код. В устной народной традиции среди растений при описании внешности человека важную роль играют такие растительные образы, которые обладают продуцирующей символикой. Это, в основном, культурные плодовые деревья – яблоня, черемуха и их плоды. Фитосимволы вечнозеленых хвойных деревьев используется реже. В основе создания образа – облик растения, особенности его строения, цвет.

В статье особое внимание уделяется описанию сакрального характера растительного кода и механизма его корреляции с человеком. Восприятие фольклорных произведений через растительный код культуры помогает более зримо и рельефно представить мордовскую языковую картину мира. Национальная кодификационно-семиотическая система эволюционировала, оставаясь стабильной в ядре ключевых представлений о мире. Формированию архетипов способствовало мифологическое мировосприятие, складывающееся в рамках языческой религии.

Ключевые слова: растительный код, мифология, фольклор, традиционная культура, фольклорная картина мира, символ, культ деревьев, мировосприятие.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-57-71

В настоящее время в лингвистике самое пристальное внимание уделяется исследованию взаимодействия языка и культуры как двух семиотических систем и описанию языковых знаков как телесных единиц культуры через ключевые понятия лингвокультурологии. Заимствованное из семиотики понятие «культурный код» является одним из фундаментальных в лингвокультурологии. Исследование кодов культуры как вторичных знаковых систем занимает особое место в лингвофольклористике. Культурные коды формируются и существуют в языке, имеют свою иерархию, систематизируются и манифестируются в текстах. Под культурным кодом понимается система «знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [Гудков, Ковшова 2007, 9].

У истоков рассмотрения языка сквозь призму кодов культуры стояли отечественные лингвисты В. Телия, В. Красных, Д. Гудков, М. Ковшова и др. Они писали об изоморфизме языка и культуры, о понимании языка и культуры как форм сознания, о необходимости исследования их как целостного феномена. Не только культура, но и язык представляет собой переплетение кодов, которые носят универсальный характер, но по-разному преломляются в языке каждой нации. Сквозь призму кодов в рамках сформировавшейся культуры по-особому интерпретируются обряды, ритуалы, языковая ткань текста.

За многовековую историю существования той или иной лингвокультурной общности сложилась сложная система образов-эталонов, зафиксированная в устойчивых сравнениях и наиболее значимая для представителей того или иного этноса, обусловленная культурными процессами, происходящими в обществе. Лингвокультурологическое направление научных исследований связано с выявлением культурно-значимых компонентов, которые присутствуют наряду с собственно языковым значением. О. И. Василенко отмечает: «Языковые единицы сами по себе могут не быть знаками культуры, но, будучи соотнесены с тем или иным кодом культуры и проинтерпретированы в рамках кода культуры, они могут выполнять роль таковых, если воплощают в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения» [Василенко 2016, 40].

Тема реконструкции мифопоэтических текстов рассматривается в науке с точки зрения различных семиотических кодов: космологического, антропоморфного, зооморфного, растительного, вегетативного, гастрономического и т.п. Идея видения языка сквозь призму кодов, специфика функционирования растительного кода в национальном фольклоре, особенности взаимодействия кодов друг с другом и соотношение кода с языковой (художественной) картиной мира неоднократно привлекали внимание исследователей и глубоко разработаны на материале славянских культур (Т. А. Агапкина, И. А. Седакова, В. В. Усачёва, В. А. Маслова, С. Петрович, О. И. Василенко, М. М. Валенцова и др.).

Культ леса в системе мифологических верований мордвы, роль растений в мордовской народной медицине, рассмотрение растений как объекта мифоритуальной системы в культуре древней мордвы, растительная символика в песенной поэзии и обрядах народов Поволжья, символика деревьев как философский компонент творчества поэтов Мордовии исследованы в работах [Сычев 2015; Knyazkova 2011; Шеянова 2018, Букарева 2015; Бурносова 2010; Миннуллин 2008; Михалкович 2000]. Обращение к растительному коду культуры как одному из способов категоризации действительности на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши и поиск межэтнических параллелей у других народов Поволжья предприняты в работе В. И. Рогачева, Е. Н. Вагановой, Л. И. Мингазовой [Рогачев, Ваганова и др. 2019]. Однако отсутствие комплексных исследований, связанных с отражением растительного кода в широком спектре в национальной культуре мордовского народа в контексте современных научных парадигм, обусловило наш интерес к заявленной проблематике.

Данная статья посвящена осмыслению функционирования растительного кода в традиционной мордовской культуре, его вербальной репрезентации в фольклорных произведениях разных жанров эрзи и мокши, особенностям его экспликации в произведениях декоративно-прикладного искусства. При этом учитываются пережиточные представления в сознании древней мордвы, в которых могут быть обнаружены архаические структуры. К анализу привлечены произведения разных фольклорных жанров: песня, причитание, загадка, сказка, почерпнутые из источников [Евсеев 1966; Устно-поэтическое ... 1963, 1965, 1972; Raasonen 1938]. Предлагаемый нами подход кодовой интерпретации растительных реалий базируется на идеях В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванова. Мифопоэтический подход, определяемый наличием растительного кода, дает возможность реконструировать мотивы и сюжеты архетипической структуры сознания, объективированные в мордовской культуре, и

описать их с применением основополагающих понятий мифопоэтики: образа, символа, архетипа, мифологемы. Исследовательская стратегия опирается на метод реконструкции мифов, описательно-сравнительный метод, метод сплошной выборки, методы семантического и лингвокультурологического анализа.

Растительный код составляет наиболее значительный пласт в народно-поэтическом творчестве мордовского народа. Его проявление обнаруживается в ритуально-магических символах орнаментированной одежды, свадебных «парей» (липовой кадки для хранения приданого невесты); он используется не только в текстах, но функционирует и в семейных знаках собственности, идеографическом и пиктографическом письме, в декоративно-прикладном искусстве (резьбе по дереву, вышивке), в обряде в виде ритуала, в его знаковой стороне. Есть множество подтверждений тому, что код живет многоплановой и многоуровневой жизнью, отсюда такая его закреплённость в бытовом сознании мордвы. Растительный код является своего рода способом систематизации, упорядочения, маркирования окружающего мира. Каждое название дерева, растения несет в себе смысловую нагрузку. Так, при слове «*умарина*» (яблоня) или «*килей*» (берёза) в этническом сознании мордвы-эрзи и мокши выстраивается ассоциативный ряд, дающий полное представление о сущности явления и его свойствах, раскрывающий мифологические нюансы и их переносный смысл.

Наше обращение к мордовским фольклорным текстам объясняется тем, что изучение произведений устного народного поэтического творчества, по словам Э. Тайлора, показывает нам, как «поэзия сроднила нас с древней одушевленной философией природы» [Тайлор 1989, 134]. Особый интерес представляет сакральный характер растительного кода и механизм его корреляции с человеком. В процессе исследования фольклорных текстов обнаруживается проекция растительного кода на эталоны красоты, закреплённые в сознании мордвы.

Восприятие языка фольклорных произведений через коды культуры способствует более зримому и рельефному представлению мордовской языковой картины мира. Рассматриваемый нами код культуры охватывает растения – деревья, а также зелень, зерно, плоды и т. д. В национальном культурном пространстве растительный код занимает одно из центральных мест, соотносясь с архетипическими представлениями мордвы и отличаясь неисчерпаемой многозначностью своего содержания. И это не случайно: культурологами отмечено, что «символизм дерева обозначает единство земного и небесного, его постоянное обновление – непрерывность жизненного цикла. Дерево символизирует нескончаемую жизнь и, следовательно, бессмертие...» [Кирло 2007, 142]. Глубинному освоению этого символа в культуре эрзи и мокши и превращению его в метафору способствовали природные факторы, условия проживания этноса в лесной зоне, мифологические представления о мировом дереве, устоявшиеся фольклорно-обрядовые традиции.

Главными объектами в народной мордовской поэзии являются плодоносящие деревья. Так, часто воспеваются *умарина* – «яблоня», *атемар* – «вишня», *пизёл* – «рябина», *лемзёркс* – «черемуха», которые в силу своих природных свойств (красивое цветение, обильное плодоношение) ближе к человеку, соответствуют эстетическим воззрениям, близки к миру его духовной культуры. В одной из мордовских песен мифологического характера яблоня становится доминантным символом – Мировым деревом, связанным с космосом как целостным живым организмом, определяющим «формальную и содержательную организацию вселенского пространства» [Топоров 1987, Т. 1, 399]. Интересно с точки зрения поэтизации изображение могучей яблони – древа жизни, символа плодородия земли. Яблоня как символ приобретает мифопоэтическое звучание. Отчетливо просматривается основная вертикаль Мирового Древа: его крона, являющаяся собой сакральный «верх», ствол, олицетворяющий «срединный мир», корни, знаменующие собой «низ». Ветви яблони такие густые, что затеняют небесные светила. Такое строение образа яблони соотносится с представлениями о троичности бытия.

*vai umarina
da umař čuvto.
mastoron keles kořenese
meñeleñ keles taradonžo
nať či pas véľtaš son lopasonžo
vai rukšnat rukšnat sonžo loranžo
už tokšnat tokšnat umařinanžo
ćućovoñ kuvalt medñeze kolgi.*

[Paasonen 1938, Bd. I, 33].

*Дерево хорошее – яблоня,
Дерево славное – яблоня!
По всей земле она корни пустила,
По всему небу ветки раскинула.
Заслонила ветвями ясно солнышко,
Светлую луну закрыла листьями.
На листьях тех будто воск застыл,
Мёд с листочков ее так и капает.*

[Устно-поэтическое ... 1963, Т. 1, 32].

Еще один показательный пример текста, где упоминается «умарина», – напев свекрови перед матерью невесты. Здесь в поэтическом образе невесты обнаруживаются архаические мифологические истоки, в них реализуется мифологема – образ мирового древа.

*Иях, иях, ия-ях,
Иё, ваёх, ва-я-ёх!
Ох, свахинем-матушка!
Чешкстазь кадан умарина,
Кружась кадан умарь чувто.
Сыть кучозень мельганзо.
Сырнесэ сынь сьвтасызь
Масторонь келес корёнонзо,
Сиясо сынь сыргавтсызь
Менелень келес тарадонзо.
Иляк сорновт, свахинем,
Раужо човаля моданзо,
Илить синде, матушкам,
Мазыйстэ цвети тарадонзо.
Кода кадса шумбрасно,
Истя максык вадрясто.*

*Иях, иях, ия-ях,
Иё, ваёх, ва-я-ёх!
О свахинька-матушка!
Помеченную яблоню оставляю,
Закруженную яблоню оставляю.
Приедут посланные за ней,
Золотом они выкопают
По всей земле распустившиеся корни ее,
Серебром они выроют
По всему небу раскинувшиеся ветви ее.
Не стряхни ты, свахинька,
Черно-бисерную землю ее,
Не сломай ты, матушка,
Красиво цветущих ветвей ее.
Как оставляю целою,
Так отдай хорошею.*

[Евсевьев 1966, Т. V, 15].

Для изображения привлекательности, чистоты, обаяния невесты используется растительная символика, обнаруживается параллель образа невесты и архетипического образа мирового древа. «Умарина» в мордовской устной поэтической традиции – «символ женственности, красоты, гармонии земли и неба. В мордовской мифологии яблоня символизирует также равновесие мира» [Девяткина 2006, 190].

Поэтому вполне естественно, что положительные коннотации жизнерадостности и силы реализуются через растительные коды-символы – яблоню, её цветы и плоды. Используемые при описании мужской красоты эпитеты *яблоневоый белый цветок, румяное яблоко, кудрявая береза* символизируют жизнь, молодость, счастье, радость.

*Пакся кучкаса Ивановь Филюсь –
Губор прянясь,
Вай, губор пряся Ивановь Филюсь –
Лапаз марлюнясь,
Марлють пряся Ивановь Филюсь –
Акша марлю панчфсь,
Акша марлю панчфсь Ивановь Филюсь –
Мазы бока марьсь,*

*Посреди поля Иванов Филя –
Словно вершина бугра,
Ой, на бугре Иванов Филя –
Словно яблоня,
На яблоне Иванов Филя –
Словно яблоневоый белый цветок,
Словно яблоневоый белый цветок Иванов Филя.
Словно румяное яблоко,*

*Мазы бока марьсь Иванонь Филюсь –
Танцти потмонясь,
Вай, оцю вирьса Иванонь Филюсь –
Кудряв келунясь.*

*Словно румяное яблоко Иванов Филя –
С вкусной сердцевиной,
Ой, в большом лесу Иванов Филя –
Кудрявая береза.*

[Устно-поэтическое ... 1965, Т. 2, 245–246].

Обратимся к тому, как в эрзянской народно-поэтической лексике развивается план, связанный с традиционным базовым растительным кодом культуры:

*Вай, Таня юты килей роцава –
Виде килей Танянь сэрнезэ.
Вай, Таня юты умарькс роцава –
Якстере умарь Танянь тюскезэ.
Вай, Таня юты лаймарь роцава –
Раужо лаймарть Танянь сельмензэ.
Вай, Таня юты ашо лён рядга –
Ашо лён моцька Танянь черензэ.
Вай, Таня юты Москов ульцява –
Московской локшо Танянь пулозо.*

*Ой, Таня пройдетя березовую роцею –
Точно прямая берёза, у Тани стан.
Ой, Таня пройдетя яблоневою роцею –
Словно румяное яблоко, у Тани личико,
Ой, Таня пройдетя роцею черемухи –
Точно чёрная черёмуха, у Тани глаза,
Ой, Таня пройдетя межой белого льна –
Точно льняные локоны, у Тани волосы.
Ой, Таня пройдетя Московскою улицей –
Точно московский кнут, у Тани коса.*

[Устно-поэтическое ... 1965, Т. 2, 240].

Прием психологического параллелизма усиливается цветовой гаммой, присущей растительным кодам березы, яблони, черемухи. В приведенном фольклорном тексте с кодом растительности (березы) органично связаны цвета: интересно сочетание колоративов *белого*, *красного* и *черного* с положительной коннотацией. Образуя триаду, они ассоциативно соотносятся с последовательной сменой времени суток. Такое представление о красивой и здоровой девушке присутствует не только в песенном жанре мордовского фольклора. Это общефольклорные обороты, в которых лексемы *румяное яблочко*, *чёрная черемуха*, *белый лён* передают народный стандарт красоты.

Яблоня и ее плод как один из фрагментов растительного кода культуры – довольно распространенное явление в мордовском фольклоре. Близка к вышеприведенному фрагменту песня, в которой лицо девушки сравнивается с румяным сочным яблочком, чёрные глаза – с мелкими блестящими ягодами черёмухи. При описании свежего, здорового цвета лица с легким румянцем используется в мордовском фольклоре лексема *умарь* – «яблоко». Растительный код аккумулирует представления о типичных свойствах, признаках спелого яблока (круглая форма, налитое соком, гладкая кожица) в содержании лексемы *ликезе*, за счет чего и происходит активация аналогичных им традиционных характеристик (круглолицесть, молодость, лоск). Народное мифопоэтическое сознание мордовского народа уподобляло черемуху и яблоню красоте молодых крестьянок. Упомянутые сравнения несут в себе традиционные коды. Естественная, нетронутая красота сравнима лишь с природными явлениями – красным спелым плодом и чёрными садовыми ягодами. Очевидна своеобразная оппозиция символических смыслов цвета: красного – в описании облика красавицы и чёрного – в изображении ее глаз.

*mažj matróšason žolemežę
ašomišaramatřaň čerežę
mišaraň šukskematřaň kosazo (g-)
mažj umarň matřaň lićazo
raužoložortmatřaň šelmenže.*

[Paasonen 1938, Bd. I, 273].

*Звали ее красавица Матрëша.
Белая мишура её волосы,
Коса Матрëши как шелковая тесьма,
Словно красивое яблоко, лик Матрëши
Словно чёрная черёмуха, глаза Матрëши.*

(перевод наш – Е.В., А.Р.).

Относимые нами к растительному коду названия плодов олицетворяют красоту лица или увядание. Их использование в разных значениях позволяет предельно ясно, образно представить состояние человека. Положительным аксиологическим зарядом обладают не все плоды. Груша и яблоко образуют бинарную оппозицию. Это можно проследить на примере эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла:

*Грушинешка кадызе
Мазый умарь чаминеть.
Раужо кулома костинзеть,
Коське чевнекс костизе рунгинеть,
Каль тарадокс костинзе
Кавто кунды кединеть,
Каль цюцёвнекс пуштынзе
Кавто кедень камень сурынеть.*

*Как груша сухая, твоё личико сморщилось,
А было оно красивое, как яблоко.
Черная смерть извела тебя,
Как сухую лучину,
Высушила тело твоё,
Словно ветку, высушила
Две твои живые руки.
Как ивовые сережки,
Завяли десять пальчиков на твоих руках!
[Устно-поэтическое ... 1972, Т. 7, 73–74].*

В мордовском фольклоре возможно использование образов-символов вечнозеленых хвойных деревьев, однако встречаются они реже, чем образы плодовых/лиственных деревьев, способных к цветению и увяданию. Ель и сосна – вечнозеленые деревья – более всего упоминаются в похоронных и поминальных причетах, поскольку передают идею вечной жизни. В песне «Козейть Полясь» с помощью растительного кода величавой стройной сосны/ели подчеркивается тонкий, гибкий стан молодой девушки. Стройная Поля привлекает внимание своими изящными руками, напоминающими тонкие и длинные еловые веточки, своими красивыми пальчиками, похожими на шишки ели. Хвойное дерево символизирует красоту, стройность и чистоту девушки.

*Шачемдонга Козейть Поляц удалакшнесь,
Касомдонга Козейть Поляц угадякшнесь.
Вирьса пиче, сире пиче серняса,

Матрань кузонь, озаф кузонь ронгса-пондса,

Куз тарадонь, куз кутювонь сурса-кядьса.*

*С рождения Козейкина Поля удалась,
И ростом, ой да, Козейкина Поля угодила.
Ростом она, словно в лесу сосна,
стройная сосна,
Телом-станом она, словно окрепшая,
отвердевшая ель,
Руки и пальцы у неё,
словно ветви и шишки у ели.
[Устно-поэтическое ... 1965, Т. 2, 244–245].*

Мифологема мирового дерева в устной поэзии мордвы может быть реализована в образах других деревьев, например, берёзы:

*vaipokšinedapokš pakša
pokš pakšadoní pokš gubor' prá
gubor'práńtetikšees šačk
ańćak šačņeš ašokilej
ańćak šačņeš ašokilej
ašokilejmazikilej,
ašokilejmazikilej,
mastoracaš korenčindę
mastoracaš korenčindę
či-pasekšemš lopasundo
či-pasekšemš lopasundo*

*Ой, поле, да пребольшое поле,
А там больше огромного поля бугор,
Бугор, густо травой заросший,
На бугре уродилась белая береза,
Уродилась на нем белая береза
Белая береза, красивая береза,
Белая береза, красивая береза
По земле расстилаются ее корни,
По земле расстилаются ее корни,
Бог солнца отдыхает в ее листьях,
Бог солнца переливается в ее листьях,*

*či-pasekšems lopasundo
kov-pasekšems sulejđinde
kov-pasekšems sulejđinde
kov-pasekšems sulejđinde.*

[Paasonen 1938, Bd. I, 34–35].

*Бог солнца прохлаждается в ее листьях
Бог луны отдыхает в ее тени,
Бог луны серебрится в ее тени,
Бог луны прохлаждается в ее тени.*

(перевод наш – Е.В., А.Р.).

Береза простирает свои корни по всей земле и затеняет своими ветвями и густой листвой солнце и луну, символизирует мировую ось, соединяющую верхний и нижний миры, живых существ и умерших предков. Растет она в огромном поле на пригорке, где нет ни единой травинки.

В свадебных песнях береза символизирует стройность, красоту, нежность девушки, невесты. Вместе с тем белоствольная береза в мордовской традиции воплощает не только образ девичества, плодородия, женского начала, нежности, стройности, воли, радости, красоты. Растительный код, олицетворяющий березу, широко употребляется в эрзянской причетной традиции, как, например, во время оплакивания матери, которая для детей не утратила былой красоты:

*Ашо килей – сэринеть,
Ловдо ашо – рунгенеть,
Садовой умарь – чаминеть,
Пеште лукшке – турвинеть,
Мако лопа – палинеть,
Мако цветка – ружинеть*

*Словно белая берёзка – тело твоё,
Белее снега стан твой,
Словно яблоко садовое – личико твоё,
Словно скорлупки ореха – губы твои,
Словно лепестки мака – рубашка твоя,
Словно маков цвет рубаха ее.*

[Устно-поэтическое ...1972, Т. 7, 50–51].

Еще одним деревом, давно и прочно вошедшим в культуру разных народов как «ось мира», космическое дерево, древо познания, является дуб, который «воплощает представление о силе и незыблемости мира<...>, символизирует силу и долгую жизнь» [Кирло 2007, 156], имеет значение «неистощимости жизни, напоминающей о бессмертии природы» [Эпштейн 1990, 47]. К примеру, «предание о мировом дереве, которое обнимает корнями землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу» [Маслова 2013, 10].

У финно-угорских народов, в частности, у мордвы, дуб считается священным деревом и воспринимается как одушевленное существо. Древняя мордва делила мир на три зоны, а мировой осью считалось Великое Дерево – Могучий дуб (*Эчке тумо*), которое своими густыми ветвями заслоняло солнце и луну. Около дуба устраивались общественные моления, обряды с жертвоприношениями. В древности мордва это дерево связывала с богами, мифологическими персонажами и мистическими силами природы. С незапамятных времен у дуба старейшины собирались на мирской суд, где решались людские судьбы. Согласно мифологии, у дуба происходит *уцяскань явшема* – «раздача жизненной доли», наделения богами человека счастливой судьбой свыше. Мотив, связанный с самим актом суда, деления общего блага на части, наделения долей, судьбой каждого человека, установления порядка, мы находим в песне мифологического характера *Уцяскань явшема* – «Раздача счастья»:

*Покшинень покш, покш пакся.
Покш паксясонть покш губорь,
Губоренть прясо покш тумо,
Тумонть колмо тарадонзо.
Ве тарадсонть Нишке паз,
Омбоцесэнтъ вере паз,
Колмоцесэнтъ Никола.
Нишке паз явши уцяскат,
Вере паз явши часият:
Сюнав эрзянень плошкасо,*

*Ой, поле, широкое поле.
В том поле – большой бугор,
На бугре том – высокий дуб,
У дуба того – три ветки.
На одной ветке – бог Нишке,
На второй ветке – Вышний бог,
На третьей – святой Никола.
Делит Нишке людское счастье,
Вышний бог раздаёт там долю.
Богачу-эрзянину – плошкой,*

*Бедной эрзянень царкасо,
Грешной урознэнь пенч песэ.
Ве урознэнь эзь сато.*

*Бедняку-эрзянину – чаркой,
Несчастному сироте – кончиком ложки,
Сироте не досталось (счастья).
[Устно-поэтическое ... 1963 Т. 1, 43–44].*

Дуб обычно изображается в фольклорном произведении стоящим на возвышенном месте. В приведенном фрагменте песни появляется *Вереназ*, который участвует совместно с *Нишкепазом* в раздаче счастливой доли. Согласно мифологии мордвы, вершителями судеб являются Вышний бог, *Нишкепаз* (Бог-покровитель эрзян, подобный Верховному Богу – *Чиназу*), святой угодник, чудотворец Николай, появившийся в пантеоне мордвы с принятием христианства.

Для того, чтобы явление обрело свой код, оно должно быть значимым для традиционной культуры, номинироваться как факт мифологемы или мифоритуала. В мокшанских загадках годовой цикл репрезентируется в образе дуба, месяцы – в виде двенадцати дубовых веток, времена года – в виде птичьих гнезд на дубе, а неделя – в виде снесенных птицами яиц:

*Пакся кучкаса тума,
Тумоть пряса 12 тарад,
Эрь тарадса 4 пизот,
Эрь пизоса 7 алхт*

*В середине поля дуб,
На дубу 12 веток,
На каждой ветке 4 гнезда,
В каждом гнезде 7 яиц.
[Мордовские загадки 1987, 41].*

*Морять кучкаса тума,
Тумоть пряса пиза,
Пизоса 12 ал.*

*В середине моря дуб,
На дубу гнездо,
В гнезде 12 яиц.
[Мордовские загадки 1987, 40].*

Денотативное значение числительного «двенадцать» служит ключом к отгадке (указывает на годовой период в двенадцать месяцев). В другой мокшанской загадке загаданный предмет передается гиперонимом – дерево, день и ночь воплощаются в виде листьев разной цветовой гаммы в зависимости от времени суток:

*Монь ули шуфтозе:
Фкя ширде лопанза акшет,
Омба ширде равчт.*

*У меня есть дерево:
С одной стороны листья белые,
С другой – чёрные.
[Мордовские загадки 1987, 39].*

Отзывчивое к природным ритмам, пережившее много годовых циклов дерево воспринимается как культурно-кодовая точка отсчета временных координат, отсюда кажется вполне объяснимым, что исчисление времени соотносится с одним из священных деревьев – дубом.

Лесные зоны с их растительным и животным миром наиболее характерны для ландшафта России. Обстоятельства жизни мордовского народа сложились так, что «он может существовать при условии существования зеленых растений» [Вернадский 1993, 3]. В связи с этим образ дерева в народной культуре – достаточно распространенный традиционный символ, имеющий полисемантический характер. Слитность человека с природой – это один из имманентных признаков мифологического сознания. Учеными отмечено, что дерево – это символ царства растений, символ мироздания и развития: «Дерево становится символом данной абсолютной реальности, центром мира. В христианском символизме <...> содержится четкое осознание первичного значения дерева как оси, связывающей различные миры... Дерево также подразумевает человеческую природу (которая вытекает из уравнивания микрокосма с макрокосмом)» [Леонтьев 1975, 142–143].

Чем объясняется столь высокая частотность использования растительного кода в традиционной культуре мордовского народа, соотнесенного преимущественно с видами деревьев, некоторые из которых отличаются неисчерпаемой многозначностью своего содержания? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Культура мордвы на протяжении тысячелетий формировалась в лесной зоне Волжско-Окского междуречья. С момента своего становления хозяйственно-экономическая деятельность мордвы-эрзи и мокши в виде присваивающих форм хозяйствования, таких как охота, рыбная ловля, собирательство, бортничество, других лесных промыслов, проходила в лесах, на берегу лесных ручьев, рек, озер, наиболее значимыми из которых считаются Инерка, Имерка, в приречных долинах таких крупных гидронимов, как Волга, Мокша, Сура, Цна. Это позволяет отнести мордовский народ к числу ландшафтных этносов, чье существование напрямую зависело от взаимодействия с природой лесного края. Природно-климатические, географические и ландшафтные особенности края, где происходил этногенез мордовского народа, повлияли на мировоззрение, религию, мифологию, язык как форму кодирования окружающей действительности в форме начальных образов-архетипов, определяемых учеными как «первообраз, изначальная модель мировосприятия, укорененная в коллективном бессознательном человечества, нации» [Маслова 2013, 5]. Эти первообразы сохранялись и транслировались из рода в род, из поколения в поколение представителями этноса, благодаря условиям, устойчивым формам жизни, традиционному хозяйству и быту мордвы. Они закреплялись в духовной культуре, сознании людей в многочисленных мифологических построениях, фольклорных произведениях, кодификационных ритуально-магических символах, знаках собственности, орнаментальных мотивах декоративно-прикладного искусства. Кодификационно-семиотическая система, все ее составляющие в виде метафор, символов, знаков менялась, эволюционировала, адаптировалась к новым требованиям жизни, оставаясь стабильной в ядре фундаментальных ключевых представлений о мире.

Формированию архетипов способствовало мифологическое мировосприятие, складывавшееся в рамках языческой религии, в основе которого лежали анимистические, тотемистические, антропоморфные воззрения. Древняя мордва воспринимала окружающий мир как одушевленный, без деления на живую и неживую природу. Именно дуализм развивал творческое воображение, вдохновлял древних, определял их способы освоения и объяснения природных стихий, частью которой были флора и фауна.

Особое отношение к деревьям, их почитание имело место в древней идеологии большинства европейских народов, а также финно-угров. В качестве символов цветения и изобилия деревья часто встречались в религиозной мифологии народов, продолжительное время проживающих в лесах. Изображение деревьев мы находим в различных видах народного искусства. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что символика узоров, отдельных орнаментальных мотивов связана с культом деревьев и мифологической покровительницей леса – *Вирь-авой* [Рогачев 2005, 27].

Жизнь земледельческой мордвы проходила на лоне девственных лесов, содействовала развитию лесных промыслов (бортничество, охота, собирание ягод, грибов, орехов и др.), поэтому возникал также обобщенный образ леса в виде *Вирь-авы* – олицетворения лесной стихии [Мокшин 1998, 19]. По предположениям У. Харвы, П. И. Мельникова, В. Н. Майнова, отдельные деревья могли быть предметом почитания и преклонения у языческой мордвы. О молениях (*озксах*) в честь духов-покровителей деревьев пишет П. И. Мельников (Печерский). Об этом же свидетельствует книга «Остатки мордовской мифологии» В. Н. Майнова, в которой упоминается о таких *молянах*, как *Пекше озкс* – «моление липе», *Келу озкс* – «моление березе», *Тумо озкс* – «моление дубу», *Пиче озкс* – «моление сосне», *Чувтонь озкс* – «моление деревьям» [Майнов 1885, 15–16]. К особым объектам поклонения в традиционной обрядности относились деревья (береза, верба, дуб, липа), покровительницей которых была *Вирь-ава*. Особо почитались у мордвы «чистые» деревья, к которым относились *пизел* – «рябина», *умарина* – «яблоня», *атямар* – «вишня» [Мокшин 1998, 21].

Мифологизировались не только деревья, крупные растения, но и травы, и иные объекты растительного мира. Известны предания о чудесных возможностях папортника *карёлкс* (м., э.); *вирьявань руця* (м.) – букв. «платок Вирьявы», *овтонь лапа* – «медвежья лапа»; *Вирьявань сур-семе*, который, по народным поверьям, открывает его владельцу клады и тайны мира [Шеянова 2018, 75].

Озксы – моления мордва старалась проводить в березовых, липовых, дубовых рощах. О культурно-кодовой памяти этноса свидетельствует тот факт, что в случае продолжительной болезни ребенка (мальчика) знахарки с родителями прибегали к такому средству: расщепляли дуб на высоте двух локтей от земли, протаскивали через этот расщеп три раза рубашку больного ребенка, а затем, выбив клинья, зажимали ее. В случае болезни девочки расщепляли березу [Harva 1952, 180]. Были случаи, когда прибегали и к более радикальному средству: через широкий расщеп в дубе или в березе три раза осторожно пропускали ребенка [Harva 1952, 180].

В языковой кодификационно-семиотической картине мира мордвы, нашедшей отражение в этнографии и фольклоре, поражает детальная разработка метафор, мотивов, понятий и терминов, связанных с растительным миром, что не может не натолкнуть на мысль об особом, сакральном характере отношения к деревьям и растениям в обрядовой практике. Исследователи отмечали почитание растительности, проведение «молян» у рек, родников. Отдельные деревья выступали символами плодovitости, которые должны были обеспечить благосостояние людей и здоровье скота, для чего в Вербное воскресенье хлестали людей и животных ветками вербы. Это делалось и в других случаях: во время первого выгона скота, на свадьбе, при первом обмывании новорожденного [Корнишина 2005, 39].

Растительный код, его мифологическое содержание находит материальное отражение в национальном костюме в виде различных узоров орнамента. На наш взгляд, коды как мифологическое выражение первобытного сознания, связанного с древними поверьями, воплотились в некоторых знаках декора мордовской вышивки. Многие коды, связанные с жизнью природы, отразились в орнаментах, формах вышивки и их названиях: *люкшкe панчф* – «цветок гречихи», *марь сёрма* – «вышивка-яблоко», *меше-пильге* – «пчелиная ножка», *чудерькс* – «ручей», *чинь-жары ардзеле* – «кайма подсолнуха», *нумолонь пиле* – «заячьи уши» [Heikel 1896, 42–43]. Обнаруживается высокая частотность использования кодов, «связанных с растительным миром: это *моргинеть* – «сучки и ветки деревьев», преимущественно хвойных, например: *пиче тарад* – «сосновая ветка», *куз пря* – «верхушка ели», *куз покольнят* – «еловые шишки», *куз тарад* – «ветка ели» [Белицер 1973, 47]. Мотивы «ели», «еловой ветви», «еловой шишки» встречаются и у других родственных мордвe финно-угров. Из названий цветов и растений часто встречаются *мако лопат* – «лепестки мака», *чеерень стручат* – «мышинные стручки», *пинеме* – «овес», *кирмалав* – «репей» [Белицер 1973, 59].

Растительный код указывает и на особенности вышивки, которая дается по форме рисунка, к примеру: *кузнянь кувалма* – «елочкой», *урмаць* – «ветвистые», *тарадтт* – «завитки» и др. [Спрыгина 1928, 11]. Мотивы орнамента, связанные с деревьями – «березовая ветка», «лишняя березовая ветка», «крестообразная хвостатая береза» – встречаются у родственных мордвe ханты, свидетельствуя о повсеместно развитом культе деревьев среди финно-угров [Сязи 2000, 114]. Названия деревьев, растений в элементах вышивки дают возможность предполагать наличие подобных форм и в древнейшем орнаменте» [Ручьева 1930, 74]. Чаще всего на головных уборах изображалась береза, которая являлась культовым деревом, и с нею были связаны весенние игрища. Впоследствии, в связи с развитием земледелия, изображения деревьев, их семантика вполне естественно могли трансформироваться и приобрести значение, связанное с культом растительности вообще. По предположениям этнографов, изображения деревьев на женских головных уборах мордовских женщин, возможно, связаны «с существованием культа священных рощ и деревьев у мордвы и других народов Среднего Поволжья» [Мартьянов 1991, 31]. Целый семиотический ряд кодов на головных уборах и одежде мордвы обращен в древние языческие времена, к культу *Вирь-авы* – покровительницы леса

и растительности и, вероятно, к богине плодородия – *Норов-аве*. Таким образом, с уверенностью можно говорить о широком распространении в основе, деталях, вышивке поясов, одежды, головных уборов мордвы и других финно-угров растительного кода, зафиксированного в названии узора.

Растительный код тесно связан с мифом, его проекцией на повседневную жизнь, речитацией мифа в обряде. Код не живет вне текста, вне функции, вне обряда. У близкородственных финно-уграм селькупов есть довольно интересный смысловой растительный код – зигзаг-дерево – символ огораживания живого от неживого, мертвого. Уходя после похорон с кладбища, селькупы должны обязательно перешагнуть через отломленную ветку живого дерева (ели, сосны) – «ветвистый зигзаг», затем взять в руки веточки и вычерчивать на ходу зигзагообразные линии [Молданова 1999, 64], являющиеся оберегающим, заслоняющим от смерти узором. По представлениям селькупов, чем больше будет зигзагов, тем больше люди отдаляются от смерти, тем дольше будет их земная жизнь [Молданова 1999, 64–65]. В этом случае мы видим закодированную информацию для всех членов стойбища об ограждающих от смерти свойствах дерева. При попытке выявления смысла зигзагообразного орнамента исследователи натолкнулись на отождествление ветвистого зигзага с ветвистым деревом, а через него – с наполнением узора жизненной силой, т. е. на его живительную роль [Молданова 1999, 62]. Близка к упомянутой традиция православных, которые во время проводов покойного по пути следования разбрасывают ветки хвойных деревьев. Смысловой код ритуального действия связан «с защитной функцией еловой ветви. Поэтому на похоронах разбрасывают еловые ветки, которые якобы преграждают путь к мертвецу обратно» [Маслова 2013, 11]. Растительный код в этническом сознании в данном случае наделен свойствами оберега. Согласно исследованиям этнографов и историков, деревья – обязательные участники большинства религиозных обрядов древней мордвы.

В заключение необходимо отметить, что трансляция культурно-значимой информации из поколения в поколение осуществляется по разным каналам. Познаваемый мир может описываться через призму культурных кодов, одним из которых выступает растительный код культуры, обнаруживаемый в мордовских фольклорных текстах разных жанров, произведениях декоративно-прикладного искусства и литературе. Анализ функционирования растительного кода культуры народа невозможен без обращения к особенностям природно-географических условий, широкому пласту культурно-исторических знаний, мифологическим представлениям, архетипам и символическим, создающим фон, на котором воспринимаются знаки языка. Стремление закрепить не бытовое, а бытийное значение всего того, что происходит в мире, порождает обретение знаками языка новых символов, семиотических кодов. Исследование фольклорно-этнографической картины мира сквозь призму растительного кода культуры, отразившегося в декоративно-прикладном искусстве, позволяет понять, что относится к категории прекрасного в мироощущении этноса.

ЛИТЕРАТУРА

- Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы: Труды Мордовской этнографической экспедиции. АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1973. Вып. 3. 215 с.
- Букарева О. П.* Символика деревьев в обрядах народов Поволжья: общие черты и характерные особенности // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: сб. матер. XI Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. 2015. С. 155–157.
- Бурносова И. В.* Символика деревьев как философский компонент творчества поэтов Мордовии // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 234–240.
- Василенко О. И.* Взаимодействие цветового и растительного кодов культуры, реализованное в процессе семантической деривации // *Universum: филология и искусствоведение*. 2016. № 11 (33). С. 40–42.
- Вернадский В. И.* Автотрофность человечества // *Русский космизм: Антология философской мысли*. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.

- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Десяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 332 с.
- Евсеев М. Е. Избранные труды: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. V. 552 с.
- Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центр полиграф, 2007. 525 с.
- Корнишина Г. А. Природные факторы в обрядовом этикете мордовского народа // Фундаментальные исследования. 2005. № 4. С. 38–39.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб.: Изд. Мин. Внутр. дел, 1885. 267 с.
- Маслова В. А. Архетип природы как модель мировосприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория Языка. Семиотика. 2013. № 2. С. 5–14.
- Мартыанов В. Н. Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 114 с.
- Миннуллин К. М. Растительная символика в песенной поэзии народов Поволжья и Приуралья // Яд-яр. 2008. № 2 (42). С. 107–109.
- Михалкович И. Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Вестник Мордовского ун-та. 2000. № 3-4. С. 72–77.
- Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 244 с.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 260 с.
- Мордовские загадки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 286 с.
- Ручьева А. Мордовские вышивки // Искусство народов СССР. М., Л.: Госиздат, 1930. С.71–77.
- Рогачев В. И. Семантика знаков декоративно-прикладного искусства (на примере орнамента эрзи и мокши). Саранск, 2005. 147 с.
- Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазова Л. И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 439–445.
- Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1928. 46 с.
- Сычев А. А. Культ леса в системе экологических верований мордвы // Финно-угорский мир. 2015. № 4 (25). С. 76–83.
- Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 245 с.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Топоров В. Н. Дерево мировое // Мифы народов мира: в 2 т. М. 1987. Т. 1. С. 398–406.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Эпические и лиро-эпические песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 1. 400 с.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Лирические песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. Т. 2. 372 с.
- Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Эрзянские причитания-плачи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Т. 7. Ч. 1. 374 с.
- Шеянова И. И. Растение как объект мифоритуальной системы в культуре древней мордвы // Финно-угроведение. 2018. № 1 (59). С. 75–79.
- Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 302 с.
- Knyazkova L. P. Plants in traditional medical culture of Mordva // Russian Journal of Regional Studies. 2011. № 1 (74). С. 248–251.
- Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1938. Bd. I. 509 s.
- Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 s.
- Heikel A. O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osokevhtiö, 1896. 43 s.

Поступила в редакцию 18.06.2021

Ваганова Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарева»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевицкая, 68
e-mail: waganowa@mail.ru

Рогачев Владимир Ильич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
университет имени М. Е. Евсевьева»
430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
e-mail: rogachev-v@bk.ru

E. N. Vaganova, V. I. Rogachev

MYTHOPOETICS OF THE PLANT CODE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE MORDOVIAN PEOPLE

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-57-71

This issue on the image of plant in the traditional Mordovian culture illustrates its verbal representation in the Moksha and Erzya folklore of different genres, gives information about the peculiarities of its explication in Mordovian literature and applied and decorative arts, shows the place of the plant images in the Mordovian worldview. The image of plant in the folk arts influences the artistic principals of Mordvins, passed down from generation to generation.

The image of a tree is one of the traditional symbols in Mordovian folk culture. This symbol is polysemantic. It is common for Mordovian songs about maidenhood, beauty and youth to use the images of plants and trees. Also, the images of fructiferous trees and their fruits are used to describe the people's appearance in oral tradition. Basically the cultivated trees, such as apple tree and bird cherry, are used. Evergreen trees are less popular than leafy ones. The form of a tree, its colour and other peculiarities are used to create a poetic image.

The article pays a lot of attention to the sacral meaning of the plant image and the ways of its correlation with a person. Perception of folklore works through the plant images makes it possible to better understand the Mordovian worldview. As well as the semiotic system of other Finno-Ugrians of Russia, Mordovian semiotic system used to evolutionize without significant changes in the basic vision of the world. Mythological thinking, based on the pagan worldviews, facilitated developing of archetypes.

Keywords: plant code, mythology, folklore, traditional culture, folkloristic view of the world, symbol, cult of trees, world perception.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 57–71. In Russian.

REFERENCES

Belitser V. N. *Narodnaya odezhda mordvy: Trudy Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii* [National Clothes of the Mordovian: Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition]. Is. 3. Moscow. Nauka, 1973. 215 p. In Russian.

Bukareva O. P. *Simvolika derev'ev v obryadakh narodov Povolozhya: obshchie cherty i kharakternye osobennosti* [Symbols of trees in the rituals of the peoples of the Volga region: general features and characteristics]. Kirillo-Mefodievskie chteniya v SamGTU: sbornik materialov XI Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov [Cyril and Methodius readings in Samara state technical University. Collection of materials of the 11th All-Russian (with international participation) scientific conference of students, undergraduates and postgraduates]. Samara, 2015. P. 155–157. In Russian.

Burnosova I. V. *Simvolika derev'ev kak filosofskii komponent tvorchestva poetov Mordovii* [Symbolic of trees as a philosophical component of the creativity of the poets of Mordovia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2010, No. 2. P. 234–240. In Russian.

Vasilenko O. I. Vzaimodeistvie tsvetovogo i rastitel'nogo kodov kultury, realizovannoe v protsesse derivatsii [The interaction of the colour and plant cultural codes realized in semantic derivational processes]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: philology and art history]. 2010, No. 11 (33). P. 40–42. In Russian.

Vernadskii V. I. *Avtotrofnost chelovechestva* [Autotrophy of mankind]. *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought]. Moscow, Pedagogika-Press, 1993. P. 288–303. In Russian.

Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyi kod russkoi kultury: materialy k slovaryu* [The body code of the Russian culture: the materials to the dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 288 p. In Russian.

Devyatkina T. P. *Mifologiya mordvy: entsyklopediya* [Mythology of the Mordovians: encyclopedia]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 2006. 332 p. In Russian.

Evsev'ev M. E. *Izbrannye trudy: V 5 t* [Selected works: in 5 vol.]. Vol. 5. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1966. P. 342–385. In Russian.

Kirilo H. *Slovar' simvolov. 1000 statey o vazhneishikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of symbols. 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 525 p. In Russian.

Kornishina G. A. Prirodnye faktory v obryadovom etikete mordovskogo naroda [Natural factors in the ritual etiquette of the Mordovian people]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research], 2005, No. 4. P. 38–39. In Russian.

Leont'ev A. N. *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p. In Russian.

Mainov V. N. *Ocherk yuridicheskogo byta mordvy* [Essay of the legal life of the Mordovians]. St. Petersburg, Izd-vo Min. vnutr. del, 1885. 267 p. In Russian.

Maslova V. A. Arkhetip prirody kak model mirovospriyatiya [Archetype of Nature as a Model of World Perception]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics], 2013, No. 2. P. 5–14. In Russian.

Martyanov V. N. *Mordovskaya narodnaya vyshivka* [Mordovian national embroidery]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 1991. 114 p. In Russian.

Minnullin K. M. Rastitel'naya simbolika v pesennoi poezii narodov Povolzh'ya i Priural'ya [Vegetative symbols in song poetry of the peoples of the Volga and Ural regions]. *Yadkyar* [Yadkyar], 2008, No. 2 (42). P. 107–109. In Russian.

Mikhalkovich I. N. Reministsentsiya obraza dereva v mifologii i fol'klоре mordvy [Reminiscence of the image of a tree in the mythology and folklore of Mordovians]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University], 2000, No. 3–4. P. 72–77. In Russian.

Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of the Mordovians]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 244 p. In Russian.

Moldanova T. A. *Ornament khantov Kazym'skogo Priob'ya: semantika, mifologiya, genesis* [Ornament of the Khanty of Kazym Priobye: semantics, mythology, genesis]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1999. 260 p. In Russian.

Mordovskie zagadki [Mordovian riddles]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1987. 286 p. In Mordovian and Russian.

Ruch'eva A. Mordovskie vyshivki [Mordovian embroidery]. *Iskusstvo narodov SSSR* [Art of the peoples of the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1930. P. 71–77. In Russian.

Rogachev V. I. *Semantika znakov dekorativno-prikladnogo iskusstva (na primere ornamenta erzi i mokshi)* [Semantics of signs of arts and crafts (on the example of the Erzya and Moksha ornament)]. Saransk, 2005. 147 p. In Russian.

Rogachev V. I., Vaganova E. N., Mingazova L. I. Funktsionirovanie rastitel'nogo koda kultury v traditsionnoi culture narodov Povolzh'ya (na primere folklora mordvy-erzi i mokshi) [The vegetal code functioning in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the Mordva-erzya and moksha)]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, No. 3 (13). P. 439–445. In Russian.

Sprygina N. I. *Odezhda mordvy-mokshi Krasnoslobodskogo i Bednodem'yanovskogo uezdov Penzenskoi gubernii* [Clothing of the Mordovian-Moksha of the Krasnoslobodsky and Podenodemyanovsky counties of the Penza province]. Penza, 1928. 46 p. In Russian.

Sychev A. A. Kul't lesa v sisteme ekologicheskikh verovaniy mordvy [The cult of the forest in the environmental beliefs of Mordovians]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world], 2015, No. 4 (25). P. 76–83. In Russian.

Syazi A. M. *Ornament i veshch v kul'tyre khantov Nizhnego Priobya* [Ornaments and Things in the Khanty Culture of the Lower Ob Region]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 245 p. In Russian.

Tylor E. B. *Pervobytnaya kultura* [Primitive culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 573 p. In Russian.

Toporov V. N. Drevo mirovoe [The world tree]. *Mify narodov mira: V 2 t.* [Myths of nations of the world: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1987. P. 398–406. In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: V 18 t. [Oral-poetic creativity of the Mordovian people: in 18 vol.]. Vol. 1 – Epicheskie i liro-epicheskie pesni. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. 400 p. In Mordovian and Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: V 18 t. [Oral-poetic creativity of the Mordovian people: in 18 vol.]. Vol. 2 – Liricheskie pesni. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1965. 372 p. In Mordovian and Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: V 18 t. [Oral-poetic creativity of the Mordovian people: in 18 vol.]. Vol. 7, pt. 1 – Erzyanskie prichitaniya-plachi. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1972. 374 p. In Mordovian and Russian.

Sheyanova I. I. Rastenie kak ob'ekt miforitual'noi sistemy v kul'ture drevnei mordvy [The plant as an object of the myths and rituals in the culture of ancient Mordvins]. *Finno-urgovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2018, No. 1 (59). P. 75–79. In Russian.

Epshtein M. N. *Priroda, mir, tainik vselennoi. Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [Nature, the world, the mystery of the universe. The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola, 1999. 302 p. In Russian.

Knyazkova L. P. Plants in traditional medical culture of Mordva. *Russian Journal of Regional Studies*, 2011, No. (74). P. 248–251.

Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung*. Bd. I. Helsinki, 1938. 509 s. In Mordovian and German.

Harva U. *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*. Helsinki, 1952. 456 s. In German.

Heikel A. O. *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja: Trachten und Muster der Mordvinen*. Helsingissä, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1896. 43 s. In Finnish and German.

Received 18.06.2021

Vaganova Elena Nikolaevna,

Candidate of Philology, Associate Professor,
National Research Ogarev Mordovia State University
68, ul. Bolshevistskaya, Saransk, 430005, Russian Federation
e-mail: waganowa@mail.ru

Rogachev Vladimir Ilich,

Doctor of Philology, Professor,
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsevev
11a, Studencheskaya st., Saransk, 430007, Russian Federation
e-mail: rogachev-v@bk.ru